

— Конечно, правда, — ответил Ричард II. У него было много недостатков, но одно достоинство имелось — держал слово. — Но ты уверен, что Генри всё ещё захочет жениться на Марии? Теперь, когда она меня публично, что называется, оскорбила.

— Не знаю. Но думаю, стоит попытаться, дать Генри шанс.

— Буду с интересом ждать, — сказал Ричард II, хотя голос его звучал скептически. К любви он всегда относился пессимистично. — А теперь давай обсудим твой самовольный визит в мои покои. Неужели думал, что всё обойдётся?

— Простите, — опустил голову Огюст. Он и правда был готов к последствиям — королевское достоинство не терпит пренебрежения.

— Хм... Чем бы тебя наказать?.. — Ричард II водил глазами по сторонам, будто в самом деле размышлял.

Чем дольше длилось молчание, тем сильнее ёкало сердце у Огюста.

Наконец, когда Ричард II вдоволь насладился его беспокойством, он изрёк:

— Домашний арест. Пусть посидишь в четырёх стенах.

И снова помолчал.

Убедившись, что король добавить ничего не собирается, Огюст изумлённо спросил:

— И всё?

— И всё, — кивнул Ричард II. — Говорят, это называется «запрет на выход из дома». Наказание для провинившихся детей. У меня, наверное, так и не будет шанса применить его к собственным отпрыскам. К счастью, есть ты. И помни: никаких развлечений.

— Не вопрос!

— Под развлечениями я подразумеваю и наблюдение за тренировками рыцарей, и пение хора, и встречи с Рафаэлем.

— Нет!

— Да!

— Как ты можешь запрещать мне видеть того, кого я хочу?

— Потому что я король.

— ...

Именно в тот день Огюст осознал, как здорово быть королём. И что никакие рыцарские упражнения и хоровое пение не сравнятся по важности с Рафаэлем.

Но в конце концов он наказание принял — ясно было, что в том и состояло негласное условие Ричарда II.

Получив королевский пропуск, Огюст немедля помчался в карете к Лондонскому Тауэру.

Тауэр стоял на берегу Темзы, исполняя роль и королевской резиденции, и арсенала для рыцарского войска, и тюрьмы для преступников государственных.

Заключали сюда, разумеется, не первого встречного.

По крайней мере, за всё правление Ричарда II и Чёрного Принца узник здесь был лишь один — бывший король Вильгельм II. Теперь к нему добавилась дочь короля, мисс Мария.

Статус Тауэра как тюрьмы и впрямь был высочайшим.

Впрочем, как ни крути, а теперь это была всего лишь тюрьма в замковых стенах.

Вороны проносились ми узких окон Белой Башни, навевая на Огюста самое что ни на есть первобытное ощущение «готики» — мрачное, пугающее. Он недавно занимался языками и узнал, что изначально слово «готический» значило «варварский», совсем не то, что подразумевают впоследствии.

Не прошло и нескольких часов, как бывший король обрёл — и снова потерял — соседа по камере, даже не успев расспросить Марию о том, что творится на воле.

Огюст беспокоился не на шутку, но внутрь пройти не мог — лишь ждал снаружи, когда мисс Марию выведут.

На Марии было то же летнее платье, что и во время ареста, — скромное, но дорогое, украшения по-прежнему сверкали. Лишь волосы слегка растрепались. В целом вид у неё был вполне сносный, явных страданий не наблюдалось.

Очевидно, пока мисс Мария не лишилась окончательно своего положения, никто не смел причинять ей излишних неприятностей. По крайней мере, так быстро.

Огюста больше волновало другое:

— Он тебя не трогал?

Другие-то не решались связываться с мисс Марией, но уж тот, что томился в Тауэре, — другое дело. Огюст никогда в глаза не видел своего гомосексуального деда, лишь слышал от королевы-матери, что тот был извращенцем, которому самое место в аду.

Мисс Мария была бодра и энергична, грудь — колесом, голова — высоко. Она сказала Огюсту:

— Тебе бы о нём побеспокоиться.

И они вместе покинули Тауэр.

Огюст оглянулся на суровую, охраняемую башню. Ему померещилось, будто из одного тесного зарешеченного окна мелькнул силуэт деда — измождённый, едва живой, но обречённый влачить существование.

Мисс Мария грубо повернула лицо Огюста к себе и принялась расспрашивать, что же случилось за те несколько часов, что она провела в заточении.

В конце концов они прибыли в Хэмптон-корт. Огюст намеревался сдержать обещание, данное королю, и не допустить встречи отца с дочерью.

Он осторожно начал что-то объяснять, опасаясь, что такой исход может сломить Марию.

Но та вдруг крепко обняла Огюста, прижав его к груди, отчего ему стало даже немного неловко:

— О, мой пудинг, спасибо! Спасибо тебе! Наконец-то я избавилась от этого дьявола!

— Э-э... Не за что? — попытался ответить Огюст.

Мисс Мария рассмеялась и нежно потёрлась носом о его нос:

— Можешь передать письмо Генри?

— Вообще-то, нет. Я под домашним арестом. Но, думаю, мой начальник охраны с радостью выполнит это поручение.

— Благодарю.

В последующие дни Огюст и впрямь был лишён всех развлечений. Король даже приставил к нему смотрителя, человека с виду неприятного и строгого. Впрочем, даже без него жизнь Огюста была не сахар: с того момента, как мисс Мария поселилась в Хэмптон-корте, она принялась насаждать ему правильный распорядок дня и здоровое питание. Она оказалась страшнее всех его учителей, и послушаться её Огюст не смел.

Неизвестно, как Елизавета и наследный принц столько лет выживали под её началом. Она была невероятно строга, и Огюст постоянно ловил себя на мысли, что она напоминает ему завуча его старой школы.

Единственной отдушиной для Огюста стало участие в королевской свадьбе.

Да, свадьба короля в итоге состоялась, к изумлению всей знати, явившейся на церемонию. Впрочем, вскоре все поняли: женился король хоть и женился, но не на общеизвестной Екатерине Говард, а на доселе неприметной вдове Екатерине Пар. Та, будучи весьма состоятельной, познакомилась с королём меньше трёх дней назад — и вот уже стала новой королевой.

Ричард II снова, не моргнув глазом, взвалил вину на молодого церемониймейстера: мол, с самого начала невестой была Пар, но из-за совпадения имён в документах опять вышла путаница.

Церемониймейстер: ... В следующей жизни не буду заниматься этой работой ни за какие коврижки.

Новая королева производила впечатление женщины доброй. Она в тайне разыскала Огюста, чтобы поинтересоваться, как живётся Марии в Хэмптон-корте.

— Передайте ей, пусть не тревожится. Я постараюсь вскоре убедить его величество позволить ей вернуться в Уайтхолл.

Королева Екатерина свято чтит дружбу, что связывала её с мисс Марией до восшествия на престол. Во многом именно надежда облегчить участь Марии и побудила её согласиться на брак с королём.

— Не стоит слишком торопиться, — заметил Огюст. Насколько он мог судить, мисс Мария

нынешней своей жизнью была вполне довольна. Со стороны можно было подумать, что та сцена при дворе была подстроена ею специально, чтобы добиться именно этого. Больше не нужно было изводить себя из-за отца, зато с Генри отношения стали слаще мёда. Это была самая свободная пора в её жизни после смерти матери.

— Благодарю вас за заботу о ней. Я кое-что собрала — вещи, которые могут понадобиться мисс Марии. Не могли бы вы передать?

— Конечно, — кивнул Огюст. — И, если позволите, не стоит со мной так церемониться. Мы же почти что родня.

— Для меня честь, — улыбнулась королева Екатерина, но было ясно, что следовать этому совету она не намерена.

На этой свадьбе мисс Мария, разумеется, не присутствовала. Не было и её кавалера, Генри. Тот выпросил у оксфордского профессора всего пять дней отпуска — чтобы успеть на королевскую свадьбу, — но в последний момент передумал. Он счёл, что в такой момент Мария нуждается в нём больше, чем кто бы то ни было.

<http://bllate.org/book/15929/1424210>